

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 172.4

ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

Т.А. Юдина
Сибирская академия
государственной службы
Новосибирск
sunshine64@mail.ru

Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать роль языка в формировании разных типов идентичности на персональном и социальном уровне и аргументировать значение языка в этом процессе конкретными примерами, привлекая аутентичный лингвистический материал.

Ключевые слова: язык, идентичность, персональный уровень, социальный уровень.

События последнего времени как нельзя лучше иллюстрируют актуальность темы национальной идентичности. Не случайно такую острую полемику вызвала вышедшая в прошлом году в Германии книга известного политического и экономического деятеля ФРГ Тило Саррацина: «Германия самоликвидируется. Как мы рискуем своей страной». Ни одна книга, изданная в Германии за последние десятилетия, не взбудоражила так немецкую общественность, как эта. Она превратилась в бестселлер и пережила 14 изданий. Автор пишет: «Я желал бы, чтобы мои потомки жили бы через 50 и 100 лет в Германии, в которой языком общения является немецкий и где люди чувствовали бы себя немцами. В стране, которая сохраняет и развивает дальше свои достижения в культуре и духовности, в стране, которая принадлежит Европе отечеств... Я уверен,

что и наши восточные соседи в Польше через 50 или 100 лет хотели бы оставаться поляками точно так же, как и французы, датчане, голландцы и чехи желают того же для своих стран». Известно, что идеи Саррацина нашли поддержку у более 90% опрошенных немцев¹. Под сильным воздействием общественного мнения канцлер Германии Ангела Меркель вынуждена была признать, что политика создания в Германии мультикультурного общества провалилась.

О провале политики мультикультурализма и толерантности говорит и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. «Мы терпимо относились к таким обособленным общинам, которые не разделяют наших взглядов и действуют вразрез с ними, — заявил премьер ее величества. —

¹ Дашичев В. / Процесс самоликвидации; Литературная газета. — 2011. — 9–15 февраля (№ 5 6310).

Когда «белый» человек допускает определенные высказывания в адрес людей с другим цветом кожи, мы называем его расизмом. Но, когда арабы или азиаты оскорбляют нас, «боятся» противостоять и осуждать. Многие мусульмане остаются без корней. Конечно, они не превращаются в террористов за один день, но мы отчетливо наблюдаем процесс радикализации². Если в Париже и Берлине давно говорили о таких проблемах, то заявление Кэмерона стало настоящей сенсацией.

В сложившейся ситуации увеличения объема и качества международных контактов, когда в конце XX века 200 миллионов человек переселились в другие страны, возникает, с одной стороны, страх перед «чужим», а с другой – тенденция возврата к своим корням, к акцентированию своей самобытности, рефлексии над своей идентичностью³.

В этих условиях проблема национальной идентичности приобретает растущую актуальность. Одним из важнейших факторов формирования и поддержания идентичности, является национальный язык. Далеко не случайно, что Т. Сарацин, обсуждая проблему сохранения идентичности начинает с сохранения языка. Задача данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать роль языка в этом процессе.

Идентичность – это комплексное и динамичное понятие, которое впервые ввел в междисциплинарный научный обиход Э. Эрикссон. Он рассматривал идентичность с точки зрения психолога и дал определение этому явлению, понимая ее как «субъективное, вдохновенное ощущение

² Забродина Е., / Известия. – 2011. – 7 февраля.

³ Гриншпаева, А. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов: монография. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 109.

тождества и целостности»⁴ и выделил три ее уровня. Многие исследователи – Я. Ассманн (J. Assmann), Д.С. Тернер (J.C. Turner), В.Б. Гудикунст (W.B. Gudykunst), Б.Д. Холл (B.J. Hall), – также говорят об **индивидуальном, персональном и социальном** уровнях. Так, на первом, **индивидуальном**, уровне анализа идентичность основывается на ощущении тождества «Я» самому себе и определяется как результат осознания человеком собственной временной протяженности. **Персональная** идентичность рассматривается как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта. Наконец, идентичность определяется Эриксоном как тот личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу «Я» категоризации: это такие характеристики, благодаря которым мы делим мир на похожих и непохожих на себя. Последнему уровню Эрикссон дал название **социальной** идентичности⁵. Необходимо, также акцентировать внимание на том, что к идентичности следует относиться как к «процессу производства», который никогда не завершается⁶. Человек приобретает ее в результате бесчисленных взаимодействий с другими людьми: «Мы узнаем свои идентичности – кто мы есть – посредством социализации»⁷. Именно наличие «друго-

⁴ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996., с. 142.

⁵ Баклушинский С.А. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность»/ С.А. Баклушинский, Е.П. Белинская // Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования / Под ред. В.С. Собкина. – М., 1998. – С. 64–85.

⁶ Hall, S. Identity, Community, Culture, 1990: 222.

⁷ Charon, J.M. The Meaning of Sociology, 6th edition, Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1999, 27.

го» порождает необходимость осознания собственной идентичности. Если человек рассматривается как член группы, то необходимо использовать как признаки, присущие только этому человеку, так и признаки той группы, к которой он принадлежит. Поэтому для анализа языковой идентичности представляется важным проанализировать социальный и персональный уровень, тогда как индивидуальный уровень остается предметом анализа для психологов.

Как известно, любой социальный процесс реализуется через общение, а следовательно, через язык, который является одним из культурно-специфических кодов, при помощи которого кодируются практически все сведения о мире. В этом и состоит особая важность языка как универсального средства любого процесса общения. В более ранних своих работах классик социолингвистики Д. Фишман определил взаимосвязи социального и языкового поведения. Поскольку языки функционируют в социальной матрице, а сообщества во многом зависят от языка как средства взаимодействия, то логично предположить, что их поддающиеся наблюдению выражения, такие как языковое и социальное поведение, будут, скорее всего, существенным образом соотноситься друг с другом. Определенные обозначения языковых вариантов несут социальные импликации (например, формальный или неформальный уровень общения, региональные, социально-классовые варианты). Таким образом, язык и общество находятся не только в состоянии **закономерного сопряженного изменения**, но и обеспечивают **дополнительное понимание (проникновение в суть) другого**⁸. Очевидно, что язык являет-

ся неотъемлемой частью «процесса производства» идентичности, который происходит на личностном и социальном уровнях формирования идентичности. Необходимо понимать, что не сам язык выполняет эту задачу, а языковые средства, используемые индивидом в речи. Язык берется здесь как система значимостей, а речь – как процесс использования языковых средств, результатом которого является устное сообщение или текст (в устном или письменном варианте) при вербальном общении. Однако в дальнейшем мы будем для краткости использовать термин «язык», имея в виду и речевое высказывание индивида. Очевидно, что персональная и социальная идентичности являются разными аспектами одного процесса, но для удобства исследования и изложения материала представляется логичным рассмотреть их по отдельности.

Начнем с социальной идентичности. М. Савилл-Тройк подчеркивает, что язык «...функционирует для того, чтобы создать или укрепить границы и объединить людей, принадлежащих одному языковому сообществу, и исключить из внутригруппового общения аутсайдеров, а также осуществляет социальную идентификационную функцию внутри сообщества, предоставляя лингвистические индикаторы, которые могут быть использованы для усиления социальной стратификации...»⁹ Следует начать рассмотрение вопроса с наиболее крупных групп, таких, например, как раса. Понятие расы возникло благодаря усилиям ученых разделить людей по определенным категориям, в основе которых лежали исключительно фенотипические признаки: цвет лица, структура волос, форма лица,

⁸ Fishman Joshua A. «Readings in the Sociology of Language», Yeshiva University, 1968, Mouton, The Hague – Paris

⁹ Saville-Troike M., *The Ethnography of Communication: An Introduction*, 3-rd edition (Madden, MA: Blackwell Publishing), 2003. – P. 12–13.

глаз. Во многих языках мира существуют слова, обозначающие людей другой расы. Как правило, это слова-прозвища с негативными коннотациями: рус.яз.: *узкоглазый* — обозначает людей монголоидной расы, в Японии также существуют неуважительное прозвище неяпонцев, например: гайдзин (от гайкокудзин — иностранец) Негативный подтекст скорее всего возникает из-за страха перед чужим, неизвестным, непохожим, непонятым и желанием дистанцироваться от этого и принять привычное, понятное, похожее за единственно правильное. В США принято строго соблюдать правила политкорректности в употреблении слов, обозначающих расовую и национальную принадлежность. Например, чернокожего американца не принято в настоящее время называть: *negro*, *nigger*, *black*, а необходимо употреблять политкорректное слово: *Afro-American*. По аналогии было создано выражение *Asian-American* по отношению к представителям желтой расы.

Этническая идентичность, которая формируется благодаря ощущению общего наследия, истории, традиций, ценностей, территории происхождения, в большинстве случаев и общего языка, выражается в основном языковыми средствами. Обыденное сознание связывает язык с этнической принадлежностью. Согласно данным Французской Академии наук, современное человечество говорит почти на 3000 языках: в обзоре языках мира под редакцией А. Мейе и М. Коэна описаны 2796 языков. Лексика, грамматика, фонетика каждого конкретного языка несет в себе неповторимую идентичность специфической культуры. Говорить всегда и везде на материнском языке — это естественная потребность человека, ее можно назвать потребностью идентичности. Для многих людей родной язык

является и языком своего народа. Органы чувств человека мгновенно распознают незнакомые звуки, произносимые человеком, говорящим на иностранном языке¹⁰.

Неумение произнести звуки чужого языка приводило к трагическим последствиям в истории народов. Один из таких примеров приводит в своем докладе Жак Деррида: «...Ефремляне были известны своей неспособностью правильно произнести *ши* шибболета, каковой стал для них с тех пор *именем непроизносимым*. Они говорили *сибболет* и на этой невидимой границе между *ши* и *си* выдавали себя часовым, рискуя жизнью. Они выдавали свое отличие, проявляя безразличие к диакритическому различению между *ши* и *си*; их замечали, потому что они не могли заметить так кодифицированную метку».¹¹

Писатель Виктор Борисович Шкловский в «Сентиментальном путешествии» вспоминает, что он встречал на Украине мальчика-еврея, который не мог без дрожи смотреть на кукурузу и рассказал, что от произношения звука [р] в этом слове зависела жизнь евреев во время немецкой оккупации во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Язык участвует также и в выражении гендерной идентичности. В ситуации знакомства с другими людьми первая дифференциация субъекта происходит по полу. Примером может служить эпизод выяснения пола ребенка при помощи языковых средств из книги братьев Стругацких «Отель «У погибшего альпиниста»:

¹⁰ Стефаненко Т.Г. Психология межэтнических отношений // Этнопсихология. — М.: Екатеринбург, 2000. — С. 200.

¹¹ Деррида Жак. Шибболет/ Пер. с франц. и комментарии В.Е. Лапицкого. — СПб.: Академический проект, 2002. — С. 53–54.

«Вот сейчас... Сейчас она... оно скажет: «Я закусывал» или «закусывала». Не может же оно сказать: «Я закусывало»...

– А ничего, – хладнокровно сказала чадо. – Кофе и пирожки с кремом. Вот и все мои занятия в буфетной¹². К сожалению, герою рассказа не удалось услышать: «закусывал» или «закусывала», что решило бы загадку, какого пола было «чадо». Но нам важно, что это *можно было сделать* при помощи *языковых* средств.

Различение субъекта по полу выражается во многих языках:

личными местоимениями:

рус. яз. – он, она;

англ. яз. – he, she; нем. яз. – er, sie;

притяжательными местоимениями:

рус. яз. – его, ее;

англ. яз. – his, her; нем.яз. – sein(e), ihr(e)

В некоторых языках местоимение не только 3-го лица, но и 1-го лица единственного числа несет в себе значение принадлежности к определенному полу. Можно привести пример из бирманского языка, в котором личные местоимения имеют различные формы, например *chundo* – «я» (мужчина о себе), *chэта* – «я» (женщина о себе). В Японии в качестве местоимения 1-го лица мужчины употребляют слово *боку*, невозможное для женщин, японки же называют себя *ватаси*. Весь набор междометий и восклицательных частиц у мужчин и женщин совершенно различен. Японские женщины для большей элегантности речи прибавляют чуть ли не к каждому существительному вежливую приставку *о-*; мужчины так делают только в строго определенных случаях, предписанных этикетом.

¹² Стругацкие А. и Б. Отель «У погибшего альпиниста». Серия «Отцы-основатели: русское пространство». – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Другие виды групповой идентичности – локальная, профессиональная и т. д. Так, за исключением таких небольших стран, как Монако, Люксембург, Ватикан, каждая страна делится на различные географические области и зачастую эти регионы имеют свои диалекты. Например, одесский: «Я Вам не скажу **за** всю Одессу», «слушай сюда» и т. д.

Профессия также накладывает свой отпечаток на речь человека. В Японии в ситуации знакомства сначала называется название компании, а затем уже имя человека. В США – наоборот, сначала – имя человека, затем компания.

Возьмем, например, слово *добыча*. С лингвистической точки зрения – это существительное женского рода, 1-го склонения, в форме множественного числа не употребляется. Оно состоит из 3-х слогов с ударением на втором слоге, обозначает действие по глаголу *добывать* (*добыча угля*) или результат действия (*Охотник вернулся с богатой добычей*) Но, если рассмотреть это слово как профессионализм, то мы увидим, что оно используется в речи горняков и имеет ударение на первом слоге – *добыча*, возможно здесь и употребление слова во множественном числе (*несколько добыч*). Люди одной профессии или одного круга общения нередко вырабатывают свой жаргон. В наше время в своеобразный язык превратился язык программистов.

Язык не только представляет информацию об идентичности, но и объединяет людей, усиливая групповую идентичность. Приведем ряд примеров.

Различные «кричалки» болельщиков на футбольных матчах в поддержку своей команды:

«Мы докажем всей России,
Кто в футболе самый сильный,
Лучший в мире коллектив –
Это наш ЛОКОМОТИВ!

То, как люди говорят, может многое сказать о социальном положении и уровне образования. Это особенно проявляется в японском языке, где младшие по возрасту обращаются к старшим, используя особенные вежливые формы языка. Но, когда старший обращается к младшему, он может выбрать менее вежливую форму как способ усиления своего авторитета¹³.

Можно привести и другой яркий пример роли так называемых социолектов, по которым любой человек может определить социальную группу, к которой принадлежит говорящий, что подразумевает различия на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Классический персонаж – Элиза Дулиттл (англ. Eliza Doolittle), – героиня пьесы Б. Шоу «Пигмалион», лондонская цветочница, за шесть месяцев превращенная профессором фонетики Генри Хиггинсом в «герцогиню».

Особенности использования языка – неотъемлемый компонент формирования социальной идентичности человека. Для решения собственных задач каждый человек выбирает и использует необходимые именно ему средства.

Перейдем к персональной идентичности. Э. Бенвенист выдвинул теорию языка как возможности реализации личностного начала человека. «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, – понятию «Это» – «мое я». «Субъективность», о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представить себя в качестве «субъекта»... т.е. осознание себя возможно только в проти-

вопоставлении. Я могу употребить **я** только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как **ты**. Подобное диалогическое условие и определяет лицо, ибо оно предполагает такой обратимый процесс, когда **я** становлюсь **ты** в речи кого-то, кто в свою очередь обозначает себя, как **я...**»¹⁴.

В любом языке мира существуют свои **способы выражения субъектно-объектных отношений**. Это может быть номинативный строй языка или эргативный, но, тем не менее, в целях идентификации эти отношения должны быть выражены.

Так, при наименовании субъекта в любом языке может использоваться целый ряд способов, но чаще всего субъект выражается системой личных местоимений.

Например:

рус. яз.: я, ты, он, она, оно, мы, вы, они
англ. яз.: I, you, he, she, it, we, they,

которые обслуживаются грамматическими категориями лица и числа. Объектные местоимения имеют другую форму:

рус. яз.: меня, тебя, его, ее, нас, вас, их;
англ. яз.: me, you, him, her, it, us, them.

Субъектно-объектные отношения выражаются также окончаниями глаголов при спряжении в настоящем времени. Например:

рус. язык – глагол «идти»

ед. ч.	мн. ч.
1 л. я иду	мы идём
2 л. ты идёшь	вы идёте
3 л. он, она, оно идёт	они идут

Из восклицания «Иду!» сразу понятно, кто идет – «я».

В английском языке в ходе истории глагольные окончания в настоящем времени

¹³ Дэлби Л. Гейша / Пер. с англ. В. Симаква. Серия «Экспресс», – М.: Крон-Пресс, 1999. – С. 49–51.

¹⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.

исчезли, и осталась только форма глагола третьего лица единственного числа, имеющая отличительное окончание – s(-es): He speaks.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в языке закрепляется выделение индивида из группы людей специальными формами и даже акцентируется внимание на том, включен ли индивид в эту группу или нет (ср.: мы – они).

Персональная идентичность отмечает человека как нечто уникальное. Ребенку при рождении дается имя, которое отличает его от других индивидов. М. Джеймс и Д. Джонгвард утверждают, что собственное имя является первостепенным элементом для идентичности личности. Оно часто вносит свой вклад, положительный или отрицательный, в сценарий личности, так как содержит сообщение, посылаемое ребенку. Считается, что многие дети, к фамилии которых прибавляется прилагательное «младший», например Эдвард Смит-младший, должны идти по стопам своих отцов. Существует риск, что сын будет чувствовать, что никогда не сможет соответствовать роли отца. Поэтому он может испытывать чувство вины или неполноценности. Кроме того, он может чувствовать, что он скорее копия, чем оригинал, смешивая свою идентичность с идентичностью отца¹⁵.

Многое о человеке могут рассказать прозвища или псевдонимы. Псевдонимы обычно выбираются с целью скрыть настоящее имя или подменить его другим. В Японии, наоборот, из обладания несколькими

¹⁵ Джеймс М, Джонгвард Д. Рожденные выигрывать. Транзакционный анализ с гештальтупражнениями. Пер. с англ. – М., 1993. – С. 177–209.

именами никаких тайн не делают. Эти имена представляют значимую в обществе фигуру, причем это новое имя может и заслонить то, которое дано при рождении¹⁶.

Традиционно женщины в некоторых культурах (русская, американская и др.), выходя замуж, меняют добрачную, как правило отцовскую, фамилию на фамилию мужа. В «испанских культурах, наоборот, прибавляют к фамилии девичью фамилию матери, признавая обе линии происхождения вместо одной мужской». Поэтому многие замужние женщины в России, в Америке и других странах, часто даже не осознавая, теряют ощущение идентичности, связанной с их девичьей фамилией¹⁷. Например, в Америке, в штате Коннектикут, замужние женщины получили право брать кредиты или открывать счет в банке без письменного разрешения мужа только в 1975 году.

Хотя имя и фамилия влияют на ощущение человеком своей идентичности и своей судьбы, на некоторых людей большее влияние оказывают ласкательные имена, с которыми к ним обращаются члены семьи, например: «котенок», «буся», «доня» и т.д. Эти имена довольно выразительны и могут быть нежными или унижительными. А их действие – положительным или отрицательным.

Персональная идентичность также может проявляться на фонетическом, лексическом, грамматическом уровне.

Отличительные особенности в произношении звуков языка могут быть связаны с особенностями артикуляции дан-

¹⁶ Дэлби Л. Гейппа / Пер. с англ. В. Симаква. Серия «Экспресс». – М.: Крон-Пресс, 1999. – С. 49–51.

¹⁷ Гилберт Э. Законный брак. – Рипол Классик, 2011.

ного индивида (человек может шепелявить, грассировать, картавить), а также обладать специфическим тембром, темпом и ритмом речи. Более того, ударение в словах может быть тоже проявлением идентичности человека (например, «начать» – М.С. Горбачев). В России трудно найти человека, которому было бы незнакомо имя Юрия Борисовича Левитана, диктора Всесоюзного радио, голос которого стал известен каждому жителю СССР.

Каждый человек легко может отличить голоса своих родных, близких и друзей, любимых артистов и певцов именно по фонетическим особенностям.

Лексический уровень

Представляется, что у любого человека в речи встречаются отличительные слова и выражения, по которым их можно без труда идентифицировать. Так называемые слова-«паразиты», вульгаризмы, жаргонизмы, арго, просторечная лексика также играют большую роль в идентификации человека. Писатели давно используют речевые характеристики своих героев. Так, Н.В. Гоголь описывает характер Манилова следующим образом: «... На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства...»¹⁸ И затем, в подтверждение данной им характеристики, вкладывает в уста своего героя такую реплику: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». На девять слов в предложении приходится три сло-

¹⁸ Гоголь Н.В. Мертвые души. – Петербургские повести. – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – С. 23, 25.

ва с уменьшительно-ласкательными суффиксами: -еньк, -ик, -чек.

Грамматический уровень

Без сомнения, многие из нас обращали внимание на то, как говорят дети, как они пытаются освоить родной язык, изобретая собственные слова, пользуясь уже освоенными морфологическими и синтаксическими моделями. Вот как об этом писал К.И. Чуковский в своей книге «От двух до пяти»: «Среди ранних приобретений детского разума величайшую ценность для всей будущей жизни детей имеет, конечно, язык, его словарный фонд, его грамматика. Вообще мне кажется, что, начиная с двух лет, всякий ребенок становится на короткое время гениальным лингвистом...»

Например, слово «нырьба». Ребенок создал его лишь потому, что не знал нашего взрослого слова «ныряние». Купаясь в ванне, он так и сказал своей матери:

– Мама, скомандуй: «К нырьбе приготовиться!»

Нырьба – превосходное слово, энергичное, звонкое; я не удивился бы, если бы у какого-нибудь из славянских племен оказалось в живом обиходе слово *нырьба*, и кто скажет, что это слово чуждо языковому сознанию народа, который от слова *ходить* создал слово *ходьба*, от слова *косить* – *косьба*, от слова *стрелять* – *стрельба* и т.д.¹⁹

Таким образом, можно сделать вывод, что каждый человек, будучи членом группы, обладает множеством идентичностей как групповых (расовая, этническая, гендерная, национальная и т.д.), которые помогают ему жить в обществе других людей и чувствовать их поддержку либо, наоборот, переживать неприятие группы и предпринимать какие-то действия для получения

¹⁹ К. Чуковский. Собр. соч. в 15 т. – Т. 2: От двух до пяти. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001.

позитивной идентичности. Персональная идентичность помогает человеку не раствориться в этой группе, а продемонстрировать свою уникальность.

Литература

- Баклушинский С.А.* Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» / С.А. Баклушинский, Е.П. Белинская // Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования; Под ред. В.С. Собкина. – М., 1198. – С. 64–85.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
- Гилберт Э.* Законный брак. – Рипол Классик, 2011.
- Гоголь Н.В.* Мертвые души. – Петербургские повести. – Фрунзе: Кыргызстан, 1974. – С. 23, 25.
- Гришаева, А. И.* Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов: монография. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 109.
- Дашичев В.* Процесс самоликвидации // Литературная газета. – 2011. – 9–15 февраля (№ 5 6310).
- Джеймс М, Джонсгард А.* Рожденные выпрыгивать. Трансакционный анализ с гештальтупражнениями / Пер. с англ. – М., 1993. – С. 177 – 209.
- Дэбби А.* Гейша / Пер. с англ. В. Симакова. – Серия «Экспресс». – М.: Крон-Пресс, 1999. – С. 49–51.
- Деррида Жак.* Шибболет / Пер. с франц. и комментарии В.Е. Лапицкого. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 53–54.
- Забродина Е.* / Известия. – 2011. – 7 февраля.
- Стефаненко Т.Г.* Психология межэтнических отношений // Этнопсихология. – М.: Екатеринбург, 2000. – С. 200.
- Стругацкие А. и Б.* ОТЕЛЬ «У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА». Серия: Отцы-основатели: русское пространство. – М.: Эксмо, 2008 г. – 736 с.
- Чуковский К.* Собрание сочинений в 15 т. – Т. 2: От двух до пяти. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: 1996. – С. 142.
- Charon, J.M.* The Meaning of Sociology, 6th edition, Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1999, 27.
- Fishman Joshua A.* «Readings in the Sociology of Language», Yeshiva University, 1968, Mouton, The Hague – Paris.
- Hall, S.* Identity, Community, Culture, 1990: 222.
- Saville-Troike M.*, The Ethnography of Communication: An Introduction, 3-rd edition (Madden, MA: Blackwell Publishing), 2003. – P. 12–13.